

УДК 32.019.51 + 94(470) + 303.446.4 + 81'373.4

А. А. Давиденко

**ПОНЯТИЕ «ВОЙНЫ ПАМЯТИ»
В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 16.07.2022 г.

Принята к публикации 12.08.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7

85

Для цитирования: Давиденко А. А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7.

Анализируется применение исследователями понятия «войны памяти» / «мемориальные войны» в современной литературе о конфликтах коллективных представлений о прошлом. Автор демонстрирует, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. данный термин еще не был связан исключительно с политической сферой, в рамках которой разные социальные группы транслировали исторические нарративы, однако уже в 2000–2010-е гг. утвердилось современное понимание словосочетания «войны памяти», ставшего с этого момента общеупотребительным в современных исследованиях коллективной памяти для характеристики ее конфликтности. Отмечается, что в исследованиях столкновений исторических нарративов активное внимание уделяется содержательной стороне изучаемых процессов, на фоне чего попытки дать строгую дефиницию понятию «войны памяти» являются заметно более редкими. Исходя из изучения практики применения понятия «войны памяти» делается вывод о том, что оно еще не получило должного осмысления в качестве элемента категориального аппарата *memory studies*, и вопрос о его релевантности задачам современных исследований заслуживает отдельного внимания.

Ключевые слова: войны памяти, исторический нарратив, коллективная память, мнемонический конфликт, *memory studies*

Последние три десятилетия стали временем становления и активного развития в мировой науке нового междисциплинарного направления, тесно связанного с изучением прошлого, – исследований памяти (*memory studies*). Об этом процессе свидетельствуют учреждение в 2008 г. журнала *Memory Studies*, появление с 2010 г. специализированной книжной серии *Palgrave Macmillan Memory Studies* (только в ней к настоящему моменту издано уже 83 монографии, и еще 3 планируются к публикации в течение 2022 г.). К этому можно добавить целый ряд монографий

и статей в журналах и сборниках, вышедших в других издательствах. Маркером оформления корпоративной академической культуры в этой сфере стала регистрация в 2017 г. в Нидерландах Ассоциации исследователей памяти (*Memory Studies Association*), оргкомитет которой ежегодно собирает крупные международные коллективы участников конференций.

Предметом изучения в рамках данного направления является коллективная память субкультур, этнических и религиозных групп, наций и пр. С учетом сложной конфигурации обществ, особенностей их исторического развития, наконец, специфических свойств человеческой памяти естественно, что представители социума нередко оказываются носителями разных, зачастую конфликтных, воспоминаний об одних и тех же событиях прошлого. Для изучения коллективной памяти в целом и мнемонических конфликтов в частности исследователи применяют набор аналитических категорий, среди которых широкоупотребительным стало понятие «войны памяти» / «мемориальные войны». Цель данной статьи — определить теоретико-методологическую специфику применения термина «войны памяти» в научных исследованиях, направленных на изучение коллективной памяти.

Наиболее ранние работы о проблемах памяти, авторы которых применяли данное понятие, посвящены гендерной проблематике и относятся к концу 1990-х — началу 2000-х гг. В статье американской исследовательницы Шелли Парк «Пересматривая войны памяти. Некоторые феминистские философские размышления», опубликованной в сборнике «Фрагмент за фрагментом: феминистские перспективы в сфере памяти и детского сексуального насилия» (1999), термином «войны памяти» описывался гендерный конфликт в американском обществе, вызванный деятельностью Организации синдрома ложной памяти (*False Memory Syndrome Foundation*) (1992—2019). Ее сотрудники по итогам ряда психологических экспериментов пришли к выводу о возможности формирования «ложной памяти» — воспоминаний человека о не происходивших в действительности событиях, что стало аргументом исследователей в пользу критического отношения институтов правопорядка к воспоминаниям женщин о пережитом сексуальном насилии [20, р. 289]. Спустя четыре года канадская исследовательница Сьюзан Кэмпбелл в статье «Относительное воспоминание: переосмысляя войны памяти» указывала, что термин «войны памяти» характеризовал дебаты в среде психологов и психотерапевтов, где обозначились принципиально противоположные позиции по вопросу о том, существует ли в действительности «восстановленная память» о таких явлениях, как пережитое в детском возрасте насилие, или подобные воспоминания искусственно возникают у человека под влиянием активного внимания к этой проблеме в обществе и СМИ [13, р. 9]. Таким образом, раннее обращение к феномену войн памяти происходило в науке в рамках антропологического направления с акцентом на изучении свойств индивидуальной памяти, то есть на внутреннем (нейроментальном) уровне, как его определял Ян Ассман [10, р. 109].

В 2000-е гг. произошел переход от изучения индивидуального мемориального опыта к коллективным практикам памяти о прошлом. По итогам этого процесса понятие «войны памяти» оказалось прочно вплетено

в канву исследований того, как противостоят друг другу исторические нарративы современных больших и малых социальных групп. Актуализация коллективной памяти такого рода происходила в сложной обстановке трансформации политической и мемориальной культуры как в Западной, так и в Восточной Европе рубежа XX—XXI вв. (см. подробнее об этом: [5; 9; 16; 28]).

В 2003 г. вышла монография российского антрополога В.А. Шнирельмана «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», где автор демонстрирует, как споры о прошлом становились почвой для вооруженных конфликтов, разгоревшихся в регионе в конце 1980-х — начале 1990-х гг.: армянско-азербайджанского, грузино-абхазского и грузинско-южноосетинского. По убеждению В.А. Шнирельмана, одну из ключевых ролей в национальных и этнических конфликтах памяти играют историки, руками которых конструируется «историческая истина» (здесь исследователь ссылается на специалистов по методологии истории) [8, с. 15]. Словосочетание «историческая истина» автор берет в кавычки, подчеркивая условность этого явления с учетом того, что работа историка определяется не исключительно научными установками, но также широким набором других факторов. В.А. Шнирельман использует категории «национальный историк» и «местный историк» для того, чтобы показать специфику генезиса национальных версий прошлого. Согласно В.А. Шнирельману, конфликтогенность создаваемого национальным историком нарратива обуславливается тем, что конструктор «исторической истины» изначально оказывается под давлением одновременно с нескольких сторон — официальной в лице власти и неофициальной, представленной обществом, к которому принадлежат родственники, друзья и коллеги историка [8, с. 19—20]. В книге показаны и примеры, когда историки сопротивлялись этому давлению. Несмотря на то что автор напрямую не использует понятие «войны памяти», он раскрывает часть механизма формирования мнемонических конфликтов, тем самым пунктиром намечая возможную траекторию дальнейших исследований в этой области.

Среди зарубежных ученых на понятии «войны памяти» заостряет внимание немецкая исследовательница Астрид Эрл в книге «Память в культуре» (2011). Она отмечает, что понятие «войны памяти» было адаптировано французской интеллектуальной средой (*guerres de mémoires*) для описания дискуссий внутри французского общества по вопросу о том, какие представители социума имеют право на создание картины прошлого. В дальнейшем этот термин французские исследователи перенесли на похожие процессы в других странах [14, р. 10].

Свой взгляд на понятие «войны памяти» отразил российский историк Г.А. Бордюгов в книге «“Войны памяти” на постсоветском пространстве» (2011). По поводу этого термина автор писал следующее: «Появилось понятие “войны памяти”, которое дополнило трагический перечень “горячих” и “холодных”, космических и информационных войн. Эти “войны памяти” могут происходить внутри одной страны или между разными странами. В XXI веке они охватили пространство стран СНГ, Балтии и Центральной и Восточной Европы с участием некоторых западных держав. Их запускает само растревоженное прошлое

после длительного сокрытия фактов, противоречивый процесс создания национальных историй, национальной культуры памяти, а еще — националистические движения и современные политические элиты, позволяющие себе инициировать в определенные моменты либо диалог по поводу истории в европейском масштабе, либо с ее помощью противопоставлять себя другим государствам, создавать конфронтационные образы» [2, с. 12–13]. Далее Г. А. Бордюгов переходит к рассмотрению содержательной стороны войн памяти в постсоветском регионе.

Опыт обращения предшественников к проблематике мнемонических конфликтов был осмыслен немецкой исследовательницей Сюзанной Попп и изложен в статье «Войны памяти» (“Memory Wars”), опубликованной в третьем томе англоязычной «Энциклопедии глобальных исследований» (2012) под редакцией Гельмута Анхаера и Марка Юргенсмайера. Автор отмечает, что происхождение термина «война памяти» не поддается точному определению и, вероятно, является аналогичным происхождению термина «культурная война», отражавшего конфликт внутри разных групп американского общества в период его модернизации с 1980-х гг. [23, р. 1148]. Рассматривая практику применения термина «войны памяти», С. Попп указывает, что этим термином характеризуются публичные дебаты о том, что может служить подходящей или уместной памятью нации, международного сообщества, социальной подгруппы определенной гендерной, региональной, этнической или культурной принадлежности или, наконец, религиозной идентичности [23, р. 1147]. С. Попп выделяет несколько уровней конфликтов в сфере памяти: 1) конфликты внутри одной национальной культуры; 2) конфликты между двумя или более нациями / государствами, имеющими разные интерпретации общего прошлого; 3) противостояние между социальными группами, претендующими на преобладание их картины прошлого, и академическим сообществом [Ibid.]. Также автор обращает внимание на важную роль, которую играют средства массовой информации: они способны пробуждать интерес общественности к историческому опыту, по ряду причин оказавшемуся вытесненным господствующим историческим нарративом [Ibid.]. В предложенном определении заметен акцент на тематическом содержании понятия, при этом за рамками рассмотрения остались теоретико-методологические аспекты его использования в исследованиях.

Феномену войн памяти в Европе на рубеже XX–XXI вв. посвящена статья британского историка Дэна Стоуна «Войны памяти в “новой Европе”» (2012). Такую характеристику он дает, например, столкновению исторических нарративов во Франции, в связи с которым там законодательно была закреплена трансляция в рамках школьного преподавания позитивных черт колониализма [28, р. 722]. Характеризуя географию войн памяти, исследователь отмечает, что они происходят «по всему миру, особенно в обществах, переживших гражданскую войну, геноцид и авторитаризм, как, например, в Южной Африке в годы после апартеида, Руанде, Гватемале и Аргентине. Кроме того, многие из европейских войн памяти имеют гораздо более широкий резонанс, чем можно предполагать исходя из их национальных или внутриевропейских контекстов; в конце концов многие дебаты вокруг памяти затрагивают про-

блемы колониального наследия, и потому полемика по поводу роли, например, Бельгии в Конго или Франции в Алжире и Индокитае касается, очевидно, не только европейских проблем» [28, р. 726].

В коллективном исследовании «Память и теория в Восточной Европе» (2013) Алейда Ассман уделила внимание содержательной стороне понятия «войны памяти», отметив, что, «несмотря на непрерывающуюся скрупулезную работу историков, пока не видно конца случаям возобновившихся столкновений и оспариваний вокруг национальных границ, когда речь заходит об интерпретации, репрезентации и коммеморации европейской истории. Длинная тень жестокого прошлого Европы продолжается в ряде линий разлома, объединенных под заголовком европейских “войн памяти”» [9, р. 26]. В остальном исследователи используют этот термин для обозначения мнемонических конфликтов между странами центральной части Восточной Европы и Россией [11, р. 8], Польшей и ее соседями в контексте проблемы постколониализма [29, р. 104], Россией и Украиной в сфере «цифровой памяти» [25, р. 219], а также внутринациональных столкновений исторических нарративов в постсоветский период в Белоруссии [18, р. 201], России [15, р. 257] и Украине [24, р. 233].

Следуя за С. Попш, к роли медиасреды в мнемонических конфликтах обратились авторы коллективного труда «Память, конфликт и новые медиа: интернет-войны в постсоциалистических государствах» (2013). Во введении Элен Руттен и Вера Зверева указывают, что термин «войны памяти» был недавно введен международным исследовательским коллективом для изучения «противоречивого и болезненного аспекта транснационального процесса переваривания прошлого» [26, р. 2]. Справедливости ради стоит отметить, что еще за 10 лет до этого данную проблему изучал В.А. Шнирельман, в названии работы которого понятие «войны памяти» было использовано в таком же ключе. Конкретизируя применение этого понятия, Э. Руттен и В. Зверева уточняют: «Команда исследователей проекта “Память на войне” использует этот термин для анализа того, как в Польше, России и Украине — странах, представляющих особый интерес для этой команды, — исторические события неизменно используются для легитимации текущих политических конфликтов, а изменение трактовки истории в одной стране порождает яростную реакцию в других странах» [Ibid.]. Далее в тексте понятие применяется для обозначения конкретных примеров конфликтов исторических нарративов.

Оригинальным подходом к изучению коллективной памяти в исторической ретроспективе стало осуществленное группой авторов исследование «Память до модерности: мемориальные практики в Европе в раннее Новое время» (2013). В первом разделе, посвященном политике памяти и войнам памяти, Яспер ван дер Стеен рассматривает религиозный спор между арминианами и гомаристами в Нидерландах, возникший во время перемирия Республики Соединенных провинций с Испанией 1609 — 1621 гг. В рамках спора обе религиозные группы в качестве аргумента своей правоты апеллировали к антииспанскому восстанию, создав таким образом две конкурирующих нарратива о прошлом. Применяя к предмету своего исследования термин «война памяти», Я. Ван

дер Стеен указывает: «Термин “война памяти”, используемый в данном разделе тома, относится к конфликтам, которые сами по себе не являются конфликтами по поводу прошлого, но в которых тем не менее на прошлое ссылаются, чтобы подкрепить аргументы в настоящем» [30, р. 46]. Автор заключает, что фактическая победа гомаристов привела и к их победе в войне памяти, в результате чего антииспанское восстание стало ассоциироваться с ортодоксальным кальвинизмом, представителями которого и были противники арминиан [30, р. 61]. Коллега Я. Ван дер Стеена Ульрих Нигтеман анализирует попытки государства, а также нескольких групп давления формировать общественную память о Славной революции, для чего также применяет словосочетание «война памяти»: «... “война памяти”, как она понимается в данной статье, имеет дело с борьбой за присвоение значений и осуществление контроля над общественной памятью о Славной революции» [19, р. 63]. Как и в предыдущем случае, изучение войны памяти на материале давних исторических событий позволяет автору рассуждать об этой проблеме в модальности завершенности с использованием категорий «победа» и «поражение» [19, р. 74], что оказывается нерелевантным в случае относительно недавних или современных мнемонических конфликтов.

Проблематике войн памяти в контексте Великой Отечественной войны посвящена статья российского историка Д. О. Чуракова, имеющая говорящее название «Войны памяти: отстоять правду победы» (2015). Стилистически и содержательно статья близка к публицистическому жанру — автор отчетливо выражает свое отношение к феномену войн памяти, ссылаясь при определении соответствующего понятия на Г. А. Бордюгова: «Этим термином в научной литературе и публицистике называют неприглядное явление, которое вот уже примерно четверть века разворачивается на советском, а потом и на постсоветском пространстве» [7, с. 11]. Автор продолжает: «“Войны памяти” — это особый компонент или даже особая форма идеологической войны. Именно так к этому явлению и следует относиться, делая его объектом научного анализа» [Ibid.]. Таким образом, в авторской интерпретации войны памяти представляют собой негативное явление, в ходе которого осуществляются попытки исказить историческую правду.

Активное внимание проблематике войн памяти было уделено в очередной коллективной работе «Война и память в России, Украине и Белоруссии» (2017). В предисловии Александр Эткин, описывая феномен войн памяти, подчеркивает участие в них государства: «Войны за память не имеют четко очерченных фронтов. Для всех практических целей правительства ведут эти войны в пределах национальных границ в той же степени или даже больше, чем за их пределами» [31, р. IX]. В остальных материалах сборника изучались частные аспекты мнемонических войн трех стран.

Рассматривая термин «войны памяти» наряду с другими применяемыми в изучении коллективной памяти, известный российский историк Н. Е. Копосов в своей фундаментальной монографии «Законы памяти, войны памяти» (2018) пишет: «Определение “войны памяти” начало широко использоваться в 1990-е и 2000-е годы не потому, что раньше не было острых политических разногласий по поводу прошлого, но пото-

му, что они не ранее этого времени стали пониматься как конфликты, типологически относящиеся к эпохе памяти» [16, р. 12]. Основное внимание Н. Е. Копосов уделяет отражающему существующую и одновременно формирующую новую действительность мемориальному законодательству в странах Западной и Восточной Европы, выделяя отдельно российскую и украинскую практику в этой сфере.

Другой известный российский историк А. И. Миллер, как и его предшественники, отмечает в статье «Вторая мировая война в “войнах памяти”» (2020) закрепление понятия «войны памяти» за ожесточенным противостоянием государств в Европе и в Азии вокруг истории Второй мировой войны [6, с. 224].

В последние годы появились исследования, посвященные национальной специфике войн памяти на Кубе [12], в Литве [32], Польше [21; 22], Украине [27], а также пересекающимся конфликтным сюжетам коллективной памяти в Южной Корее и Японии [17], где авторы понятием «войны памяти» характеризуют противостояние исторических нарративов.

Целенаправленный анализ категориального аппарата исследований мемориальной культуры в целом начался сравнительно недавно. Одним из примеров этого стала опубликованная в 2020 г. статья российской исследовательницы О. Ю. Малиновой, в которой рассматривается аналитический потенциал понятия «режим памяти». Характеризуя сложившуюся практику применения понятия, автор пишет: «Термин *режим памяти* нередко используется для описания статике и динамики коллективной памяти как на национальном, так и на международном уровнях. Однако ему редко дают определения. Таким образом, он выступает скорее в качестве интуитивно понятной метафоры, нежели строгого понятия» [4, с. 30].

Приведенный выше обзор существующей литературы говорит о том, что аналогичная ситуация сложилась и вокруг понятия «войны памяти». В целом можно отметить, что в рассмотренных работах встречаются отдельные попытки авторов очертить границы применяемого понятия, в большинстве же случаев использование термина указывает на негласную конвенцию исследователей понимать под войнами памяти противостояние имеющих свою специфику моделей коллективной памяти. При этом в отдельных исследованиях вынесенное в название работы понятие «войны памяти» не раскрывается и не фигурирует в тексте [21].

Поворот к изучению теоретико-методологических аспектов понятия «войны памяти» наметился в публикациях российских исследователей в 2021 г. [1; 3]. В своих работах они рассматривают процесс концептуализации понятия «войны памяти», иными словами, переход от соответствующей метафоры к научному понятию, для чего анализируют метафору войны. Д. А. Аникин и А. А. Линченко вслед за другим российским ученым А. Д. Куманьковым обращают внимание на категории темпоральности и пространства войн, отмечая, что современные конфликты зачастую не соотносятся с привычной схемой периодизации войн, в том числе в том, что касается их завершения [1, с. 55]. Не менее сложным является определение ролей участников этих войн. Те же сложности, по мнению авторов статьи, присущи и войнам памяти [Там же]. О. В. Голо-

вашаина делает вывод о том, что «распространение метафоры “мемориальные войны” приводит к активизации военной лексики в дискурсе о памяти» [3, с. 48].

Говоря о термине «войны памяти», Д. А. Аникин и А. А. Линченко подчеркивают, что «процесс концептуализации данного понятия сопряжен с выбором теоретического подхода, позволяющего вписать возникновение “мемориальных войн” в определенные методологические рамки» [1, с. 55], что побуждает исследователей привлекать к анализу данного понятия комплекс идей, изложенных в проекте политики времени Б. Бевернажа и теории фронта Ф. Тернера. О. В. Головашина отмечает незавершенность концептуализации понятия «войны памяти» на данный момент, так как, по ее мнению, еще не сформировалась система «различения первоначального слова / словосочетания и термина, употребляемого как научная категория» [3, с. 49].

92

При обсуждении понятия «войны памяти» стоит добавить еще несколько слов о семантике войны. Она не ограничивается только категорией «противостояние», лежащей в основе понятия «войны памяти», но включает такие близкие по смыслу категории, как, например, *жертвы, оружие, ресурсы, силы*, синонимические пары *солдат / воин, перемирие / мир*, а также оппозиции *союзник / противник, победа / поражение* и др. Кроме того, рассмотрение конфликтующих исторических нарративов в этой логике предполагает внимание к динамике конфликта, его становлению, возобновлению и, наконец, завершению в том или ином виде. При символическом сопоставлении конфликта памяти и войны любопытным оказывается и то, что в военных действиях расходуются априори конечные ресурсы — люди, территория, финансы, вооружение и пр., что обуславливает и конечность противостояния, тогда как конфликты в области коллективной памяти имеют потенциал длительности, обеспечиваемый работой механизмов в виде мемориальной инфраструктуры, межпоколенческих связей и прочих инструментов, обеспечивающих устойчивость исторических нарративов. Если в рамках физической войны проявляется не просто конфронтация, а антагонистичность противостояния с единственно приемлемым для его сторон исходом — поражением (уничтожением) противника, то в рамках коллективной памяти о прошлом полная победа одного исторического нарратива над другим едва ли достижима, так как связана с очень серьезными издержками — изоляцией или даже ликвидацией носителей альтернативной модели памяти, что потенциально переводит конфликт в плоскость физического противостояния. Таким образом, диапазон смыслов понятия «войны памяти» за счет привлечения метафоры войны оказывается очень широким и, не будучи редуцированным до значений «конфликт» или «противостояние», побуждает исследователей включать в свои модели конфликтов коллективных представлений о прошлом элементы, которые, пожалуй, еще только предстоит осмыслить ученым, работающим в направлении *memory studies*.

Итак, изучение практики применения понятия «войны памяти» / «мемориальные войны» в литературе показывает, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. данный термин еще не был связан исключительно с политической сферой, в рамках которой разные социальные группы

транслировали исторические нарративы, однако уже в 2000–2010-е гг. утвердилось современное понимание словосочетания «войны памяти», ставшего с этого момента общеупотребительным в современных исследованиях коллективной памяти. В рамках изучения конфликтов коллективных моделей памяти о прошлом на протяжении последних десятилетий в основном происходило накопление эмпирического материала, на фоне чего попытки дать строгую дефиницию понятию «войны памяти» были заметно более редкими. Чаще всего этим термином обозначалась конфликтность исторических нарративов внутри государств или между ними. С учетом изложенного представляется, что смысловое содержание концепта «войны памяти» является более широким, чем тот смысл, который в него обычно вкладывается, что актуализирует вопрос его релевантности задачам существующих исследований. На резонансность такого вопроса указывают и сделанные исследователями в последние годы шаги в сторону критического осмысления существующего категориального аппарата изучения коллективных представлений о прошлом.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России».

Список литературы

1. Аникин Д. А., Линченко А. А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. №466. С. 55–63.
2. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
3. Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, №1. С. 43–52.
4. Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы : монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб., 2020. С. 26–39.
5. Миллер А. И. Большие перемены. Что нового в политике памяти и ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы : монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб., 2020. С. 8–24.
6. Миллер А. И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. №4. С. 222–231.
7. Чураков Д. О. Войны памяти: отстоять правду Победы // Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 7–24.
8. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
9. Assmann A. Europe's Divided Memory // *Memory and Theory in Eastern Europe* / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 25–41.
10. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin ; N. Y., 2008.
11. Blacker U., Etkind A. Introduction // *Memory and Theory in Eastern Europe* / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 1–22.

12. *Bustamante M. J.* Cuban Memory Wars: Retrospective Politics in Revolution and Exile. Chapel Hill, 2021.
13. *Campbell S.* Relational Remembering: Rethinking the Memory Wars. Oxford, 2003.
14. *Erlil A.* Memory in Culture. N. Y., 2011.
15. *Kalinin I.* The Struggle for History: The Past as a Limited Resource // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 255 – 265.
16. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018.
17. *Lee J.* Memory War: Activist Rhetoric for Historical Justice // Activism and Rhetoric: Theories and Contexts for Political Engagement / ed. by J. Lee, S. Kahn. 2nd ed. N. Y. ; Abingdon, 2020. P. 96 – 110.
18. *Lewis S.* Toward Cosmopolitan Mourning: Belarusian Literature between History and Politics // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 195 – 216.
19. *Niggemann U.* 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' About the 'Glorious Revolution' // Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe. Leiden ; Boston, 2013. P. 63 – 75.
20. *Park Sh.* Re-Viewing the Memory Wars. Some Feminist Philosophical Reflections // Fragment by Fragment: Feminist Perspectives on Memory and Child Sexual Abuse / ed. by M. Rivera. Charlottetown, 1999. P. 283 – 307.
21. *Plocker A.* The expulsion of Jews from communist Poland: memory wars and homeland anxieties. Bloomington, 2022.
22. *Poland's memory war: essays on illiberalism* / ed. by J. Harper. Budapest ; N. Y., 2018.
23. *Popp S.* Memory Wars // Encyclopedia of Global Studies / ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. L.A., 2012. Vol. 3. P. 1147 – 1148.
24. *Portnov A.* Memory Wars in Post-Soviet Ukraine (1991 – 2010) // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 233 – 254.
25. *Rutten E.* Why Digital Memory Studies Should Not Overlook Eastern Europe's Memory Wars // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 219 – 231.
26. *Rutten E., Zvereva V.* Introduction: Old conflicts, new media: post-socialist digital memories // Memory, Conflict and New Media: Web wars in post-socialist states / ed. by E. Rutten, J. Fedor, V. Zvereva. Abingdon, 2013. P. 1 – 18.
27. *Shkandrij M.* Revolutionary Ukraine, 1917 – 2017: history's flashpoints and today's memory wars. N. Y. ; Abingdon, 2020.
28. *Stone D.* Memory Wars in the "New Europe" // The Oxford Handbook of Post-war European History / ed. by D. Stone. Oxford, 2012. P. 714 – 732.
29. *Uffelmann D.* Theory as Memory Practice: The Divided Discourse on Poland's Postcoloniality // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 103 – 124.
30. *Van der Steen J.* A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609 – 21) // Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe. Leiden ; Boston, 2013. P. 45 – 61.
31. *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham, 2017.

32. Žmuida E. Lietuvių atminties kultūra: įsivaizduojamos bendruomenės ir atminties karai // *Lituanistica*. 2022. T. 68, №1 (127). P. 19–32.

Об авторе

Алексей Анатольевич Давиденко — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>

A. A. Davidenko

THE CONCEPT OF “MEMORY WARS” IN CONTEMPORARY STUDIES OF COLLECTIVE MEMORY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 July 2022

Accepted 12 August 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7

To cite this article: Davidenko A.A. 2022, The concept of “memory wars” in contemporary studies of collective memory, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7.

The article analyses how the terms “memory wars” / “memorial wars” are applied in the contemporary research papers on conflicts of collective perceptions of the past. The author shows that in the late 1990s and early 2000s the concept was not yet associated exclusively with the political sphere, within which different social groups were producing historical narratives, but in the 2000s and 2010s modern understanding of the phrase “memory wars” was already established and since then it has become common in contemporary studies of collective memory to reveal its conflicting nature. It is noted that in the studies of clashes of historical narratives an active attention is paid to the content of the processes under the study, against which the attempts to give a strict definition to the term “memory wars” are noticeably rarer. The use of the “memory wars” concept shows that it has not yet received proper understanding as an element of categorical apparatus of memory studies and the issue of its relevance to the objectives of the contemporary research deserves special attention.

Keywords: memory wars, historical narrative, collective memory, mnemonic conflict, *memory studies*

The author

Dr Aleksei A. Davidenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>